Уитни Хьюстон. История великой певицы глазами ее близкой подруги

Автор:
Робин Кроуфорд

Уитни Хьюстон. История великой певицы глазами ее близкой подруги

Робин Кроуфорд

Подарочные издания. Музыка

«Я надеюсь помочь читателям лучше понять личность, которая стоит за лицом Уитни, за ее голосом и образом. Да, ее история закончилась трагедией, но ее мечта и восхождение к ней были прекрасны».

Уитни Хьюстон, обладательницу множества престижных премий, всеми любимую, коммерчески успешную и безумно популярную суперзвезду, обнаружили мертвой в гостиничном номере в Беверли-Хиллз в 2012 году.

Она погибла накануне 54-й церемонии Grammy. В ее крови нашли наркотики, с которыми певица пыталась бороться всю жизнь, но так и не справилась. Прекрасный голос, головокружительная карьера, главные роли в кино, семейное счастье – поклонники недоумевали, чего может не хватать Уитни Хьюстон? Какую боль она пытается заглушить?

Эта книга написана одним из самых близких людей, которые знали Уитни. Её лучшей подругой и соратницей Робин Кроуфорд. Они познакомились, когда были совсем юными. Уитни только начинала выступать, а Робин играла в баскетбольной команде. Обе с первого взгляда привязались друг к другу и многое пережили: близость, гастроли, успех, расставания и разочарования.

Робин Кроуфорд долго оставалась в тени и не давала интервью, но после смерти подруги решилась рассказать миру их настоящую историю. Историю Уитни Хьюстон, которую мы всегда будем любить.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Робин Кроуфорд

Уитни Хьюстон. История великой певицы глазами ее близкой подруги

Robyn Crawford

A Song for You: My Life with Whitney Houston

© Я. Мышкина, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моей маме Джанет, брату Марти и сестре Робине за вашу вечную любовь. Вы всегда со мной.

Самым удивительным существам на свете – моим детям, Джиллиан и Джереми. С вами моя жизнь обретает новые краски. Вы – моя самая большая любовь.

И, наконец, моей единственной и неповторимой. Той, с кем все мои дни превращаются в приключения, с кем я каждую ночь засыпаю и просыпаюсь на соседней подушке. Моей бесконечной любви, Лизе. Твое лицо во время нашей первой встречи до сих пор стоит у меня перед глазами, и я будто снова и снова набрасываю на тебя свой шарф. Ты – мое все.

Вступление

Почему именно сейчас? Почему я решила написать эту книгу, если могла промолчать и унести свои воспоминания в могилу? Поклонники Уитни Хьюстон наверняка слышали обо мне. Погуглите – и вы найдете мое лицо на фотографиях с мероприятий, а мое имя – в СМИ.

Мы с Уитни познакомились еще подростками и провели вместе двадцать два года, она стала одной из самых популярных и любимых мировых звезд нашего поколения. Это были отношения, благодаря которым я выросла как профессионал, и как личность.

История, которую я собираюсь рассказать – это история доверия и преданности двух женщин. У нас была мечта, которая привела нас из Ист-Оранджа (штат Нью-Джерси) в Нью-Йорк. Эта мечта открыла нам целый мир, в котором мы встречались с суперзвездами и главами государств.

Это история о манипуляции, контроле, жажде власти, неопытности, расе, СПИДе, психических заболеваниях, семейных узах, давлении, которое индустрия развлечений оказывает на женщин, и о том, как важно всегда ставить себя на первое место. Но прежде всего это история прочной дружбы.

Кто-то говорил, что на мою долю выпало больше потерь, чем было задумано. Оглянувшись на свою жизнь, я пробудила очень много прекрасных и болезненных воспоминаний.

Эта книга заставила меня заново пережить смерть матери, брата и лучшей подруги. Позволила оплакать их и взглянуть в лицо страданию, которое я так упорно пыталась предать забвению. Но, несмотря на все это, она дала мне возможность лучше понять близких и поблагодарить их за то, чему я у них научилась.

Поверьте, я изо всех сил старалась держаться в тени и молчать, пока другие в красках описывали нас и наши отношения. В течение девятнадцати лет, с тех пор как я перестала работать с Уитни, от меня неустанно требовали поделиться своей историей. И после ее смерти, а затем и смерти ее дочери я с горечью наблюдала за тем, как искажают ее образ и наследие.

Но сейчас я считаю своим долгом почтить память подруги и прояснить многие моменты, которые касаются ее и моей биографии. Я считаю своим долгом напомнить людям о ее даре. Та Уитни, которую я знала, была великодушной, решительной, бескорыстной, скромной, веселой и уверенной в себе.

Я надеюсь помочь читателям лучше понять личность, которая стоит за внешностью Уитни, за ее голосом и образом. Да, ее история закончилась трагедией, но ее мечта и восхождение к ней были прекрасны. Я обязана своей подруге поделиться ее историей, моей историей. Нашей историей. И надеюсь, она наконец освободит нас.

Глава первая. Я впервые встречаю Уитни Элизабет Хьюстон

Летом 1980 года я ехала на своем черном двадцатидвухскоростном велосипеде Kabuki через Ист-Орандж. Из постели меня вытащил телефон, но разбудить смог только ветер. Звонила школьная преподавательница по баскетболу, тренер Кларк; у нее появилась для меня работа в общественном центре Ист-Оранджа. За несколько минут я собралась и выскочила за дверь. Осенью начинался мой второй год обучения в колледже, и мне хотелось, чтобы тренер Кларк убедилась в том, что я к нему готова. В небе пульсировало летнее солнце. Я мчалась на Главную улицу.

Подъехав к зданию со стеклянным фасадом, я спрыгнула с велосипеда и вошла в тускло освещенный зал, вдоль стен которого были расположены столы и стулья. Зал был заполнен людьми. Тренер Кларк стояла в конце коридора; она улыбнулась, крепко обняла меня, а затем развернулась и вручила мне стопку бумаг, которую я должна была раздать. Кларк могла бы нанять на эту работу кого угодно, но знала, что может на меня положиться.

Я всегда гордилась своими волосами и после мытья обычно просила свою младшую сестру Робину, дома мы ее называем Бина, заплести волосы в косички. А иногда накручивала их на розовые поролоновые валики: когда их вынимаешь, тугие спиральки немного ослабевают, и на третий день получается потрясающее афро. Это был тот самый третий день, так что я, в своих травянистых шортах, светло-зеленой футболке, белых кроссовках Nike и девственно-чистых гольфах,

чувствовала себя милашкой.

Я прошлась по залу, сжимая в руках стопку бланков для регистрации вожатых и несколько ручек, и наткнулась на девушку, которую никогда раньше не видела. Сначала я ее не заметила, потому что она прислонилась к стене в последнем ряду. Но когда я протянула ей документы, она остановила меня.

Девушка была одета в красно-сине-серую клетчатую шелковую блузку, облегающие шорты до колен и красные полосатые кроссовки Adidas Gazelle. На шее у нее висело золотое ожерелье с часами, а песочно-каштановые волосы были зачесаны назад и увенчаны козырьком с эмблемой Красного Креста. У нее была персиково-коричневая кожа, а в глазах искрился едва заметный свет.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Уитни Элизабет Хьюстон, – сказала она.

Мня это позабавило. Кто отвечает на такие вопросы полным именем и фамилией? Я спросила, где она живет, и она ответила, что в Doddtown, напротив McDonald’s. Там жили мои двоюродные братья, и я у них часто ночевала. Более того, я работала в этом самом McDonald’s в первый год средней школы. Позже в тот день я узнала, что Уитни ходит в частную школу для девочек и поет. Ее мать основала группу Sweet Inspirations, которая работала на подпевке у звезд вроде Элвиса Пресли и Ареты Франклин. А Дайон Уорвик была ее кузиной.

Прежде чем двинуться дальше, я оглянулась на Уитни и сказала, что присмотрю за ней. Понятия не имею, почему мне захотелось так сказать.

И как это я никогда раньше о ней не слышала?

Летом вожатые водили детей на мероприятия в различные парки Ист-Оранджа. Я решила поработать с группой от шести до одиннадцати лет в Коламбиан-парке, который располагался рядом с моей старой школой, на той стороне города, где жила Уитни. Она тоже выбрала это место. Я работала по утрам, а к полудню освобождалась, чтобы тренироваться на баскетбольном корте всю вторую половину дня. Уитни назначили смену сразу после меня, так что я передавала ей детей и уходила по своим делам. Когда я возвращалась с игры, она отпускала группу по домам и мы шли гулять.

Мне было девятнадцать, Уитни вот-вот должно было исполниться семнадцать. Я понятия не имела, к чему приведут наши с ней отношения, но чувствовала, что лето 1980 года обещает быть чудесным. Уитни Элизабет была милой и сдержанной, и очень соблазнительной. Внешне она держалась грациозно и уверенно, но в глубине души была такой же, как все девушки в этом возрасте. Поразительно красивая, она совсем этого не чувствовала и часто критиковала свою внешность. Я не могла понять, откуда взялась такая неуверенность в себе.

Однажды, в самом начале нашей дружбы, я на машине подъехала к белому дому ее матери в Кейп-Коуде. Уитни стояла в дверях, стройная, в футболке и хлопчатобумажном джемпере, накинутом на плечи. Я улыбнулась, зная, что она это заметит. На ней были самые ужасные джинсы, которые я когда-либо видела, с широкими клешами от колена. Думаю, Уитни увидела, как я ухмыляюсь, потому что, запрыгнув внутрь, она спросила:

– Что?

Я нехотя ответила, взвешивая каждое слово, чтобы ее не обидеть:

– Ух ты… Вот это джинсы. Они ничего… но… почему ты их надела?

Она приперла меня к стенке, и я сдалась:

– Мы должны купить тебе новые.

– Ну и какие же?

– С прямыми штанинами.

Уитни продолжила бормотать, что у нее слишком высокая талия, колени развернуты внутрь и ноги иксом. Она все говорила и говорила, а я раздражалась, потому что терпеть не могла слышать от нее подобную чепуху. Всего месяц назад, по ее же словам, они с мамой стояли на углу Пятьдесят седьмой и Седьмой авеню перед Карнеги-Холлом, и к ним подошел мужчина со словами: «Наверху есть модельное агентство. Они ищут девушек вроде тебя». В тот же день Click Models подписали с ней контракт.

Поэтому я чуть развернулась на своем водительском кресле и сказала:

– Ты начинающая модель. Видела Шерил Тигс или ту рекламу Charlie с Шелли Хак в черных облегающих джинсах? Когда она бежит минимум по три ярда за шаг? Так вот, ты выглядишь так же!

Уитни улыбнулась и, кажется, расслабилась. Ее улыбка озарила все вокруг, и я тихо обрадовалась, что смогла пробудить в ней это чувство. Всякий раз, пролистывая журналы мод моего брата Марти, я находила в них улыбающуюся Шерил Тигс, счастливую, свежую и уверенную в себе. И хотя все называли ее «девчонкой по соседству», в нашем районе таких девчонок не было. Зато была Уитни. И мне хотелось, чтобы она чувствовала себя такой же красивой, как Шерил Тигс.

Через несколько минут мы уже ехали покупать Уитни ее первую пару облегающих джинсов. Это были славные дни брендов Jordache, Sergio Valente и Gloria Vanderbilt. Большинство девушек, которых я знала, предпочитали модели с накладными карманами, но я никогда не следила за модными тенденциями, предпочитая Levi’s 501, Lee или Wrangler в Universal Uniform Sales на Брод-стрит в Нижнем Ньюарке. Я отвела Уитни в Gap в Willowbrook Mall и выбрала для нее восемь облегающих пар. Мы остановились на темных синих джинсах, достаточно длинных, чтобы сделать небольшой отворот прямо над Gazelle, и захватили еще одни, посветлее, в которых она стала ходить целыми днями, не снимая. Уитни Хьюстон, которую мир будет узнавать по сверкающим платьям, на самом деле была любительницей простых джинсов, футболок, рубашек и кроссовок.

Новая подруга, работа и игра в баскетбол стали для меня настоящим счастьем. Моя жизнь не всегда была такой – в детстве уж точно, когда мы жили в Калифорнии. Это были тяжелые времена, несмотря на то что в Лос-Анджелесе должна была исполниться мамина мечта о доме с белой оградкой. Пока отец служил в армии, она переехала туда из Ньюарка со своим братом и его женой. Папы не было с 1958 по 1963 год, и часть этого времени он служил десантником во Вьетнаме, но никогда это с нами не обсуждал. Вскоре после демобилизации он приехал к маме в Лос-Анджелес – и ее мечте пришел конец. Он начал ей изменять, избивать ее, а вскоре потерял работу. Но сначала у нас появился щенок.

Инцидент со щенком стал моим первым знакомством со смертью. На Рождество, когда мне было пять лет, Бина, Марти и я открывали подарки – вдруг отец сунул

руку в карман куртки American Airlines и вытащил оттуда маленького волнистого светло-коричневого щенка. Мы запищали от восторга, и на следующий день отправились с соседскими детьми играть на задний двор. Щенок резвился и карабкался на нас. Папа собирался ехать на работу, сел в свой белый Bonneville и, прежде чем закрыть дверь, крикнул нам отойти в сторону. Мы сделали, как нам было велено, но никто не подумал забрать щенка.

И вдруг я увидела нечто ужасное: папа дал задний ход и нечаянно раздавил собаку. Он очень расстроился. Даже позвал маму, чтобы она завела нас в дом, а он мог убрать его и уехать.

Родители переехали в одноэтажный дом с тремя спальнями и белой штукатуркой, сверкавшей в лучах палящего солнца. У моего брата Марти была своя комната в передней части дома, а я делила заднюю комнату со своей младшей сестрой Биной. Я думала, что мы богачи, до тех пор, пока однажды мама не услышала, как я хвастаюсь подруге, и не крикнула в окно: «Потише там. Все мы тут в одной лодке».

Однажды, когда мы вернулись домой, мама велела нам не выходить на улицу. Было уже поздно, и в новостях сообщили, что в Уоттсе начались беспорядки. Папа объявил, что собирается пойти с дядей посмотреть, чем там можно поживиться, воспользовавшись хаосом. Мама попросила его остаться.

– Я не хочу сидеть с детьми одна, – сказала она.

Марти было восемь, мне – пять, а Бине, единственной калифорнийской малышке моих родителей, – два.

– Я вернусь, – сказал он и вышел в ночь.

Мама заперла двери и отвела нас в комнату Марти, где мы вместе ждали возвращения отца. Было темно, за окном мелькали черно-белые полицейские машины. Все это время мы оставались в одной комнате, сидели на корточках, выискивали взглядом отца. Ждали.

– Деннис. Деннис должен быть здесь, – сказала мама вслух.

Она всегда дрожала, когда нервничала. Тогда у нее тряслись руки. Я прижалась к ней, чтобы успокоить. Когда отец и дядя наконец вернулись, небо все еще было черным. Они принесли несколько радиоприемников и проигрыватель на восемь дорожек. На маму это не произвело должного впечатления, но ей стало легче. В ту ночь мы все спали в одной комнате.

Родители много спорили о деньгах и неверности отца, и он часто набрасывался на мать с кулаками. Когда мне было шесть лет, он так сильно избил маму металлической насадкой для пылесоса, что полиции пришлось вызывать скорую помощь и везти ее в больницу. Она вернулась домой с подбитым глазом и огромным шрамом на колене, который остался на всю жизнь. Она подозвала нас с Марти к своей кровати и спросила: «Хотите увидеть бабушку?»

Несколько дней спустя она тайком вывела нас из дома в предрассветные часы, и мы полетели в Ньюарк. К тому времени как мы приехали, отец уже звонил маме по телефону с извинениями, а затем помчал на восток в своем белом Bonneville, останавливаясь только для заправки. Она вернулась к нему, избиения продолжились.

Вскоре после этого нам пришлось пережить беспорядки в Ньюарке. На этот раз отец остался дома. Национальная гвардия стояла с винтовками у нашей двери, патрулируя коридоры и внутренний двор здания, и нам не разрешалось выходить на улицу после половины пятого вечера, когда зажигались уличные фонари.

Но все образы заколоченных витрин и сгоревших зданий отошли на задний план, когда я увидела, как отец бросил маму на пол и потащил по коридору квартиры. Я все еще вижу ее лицо и слышу, как она умоляет нас вызвать полицию, пока ее тело и голова исчезают из виду. Это заставило ее уйти от отца навсегда. Как и в прошлый раз, мы сбежали посреди ночи.

Мартин Лютер Кинг – младший писал: «Бунт – это язык неуслышанных». Кто-то может сказать, что ярость моего отца была порождением ярости и разочарования от дискриминации и явной несправедливости, которые привели к бунтам в Лос-Анджелесе и Ньюарке, и, хотя в этом есть доля правды, я не могу его этим оправдать. Никогда не забуду страх в голосе матери и выражение ее лица, когда он врывался в дом – пиная двери, хватая ее и бросая на пол, с рыком и руганью, – в то время как Марти и я умоляли его остановиться, а маленькая Бина, испуганная и ничего не понимающая, тянула к нам руки, чтобы кто-нибудь

обнял ее и утешил. Большинство телесных шрамов со временем исчезли, но остались шрамы-невидимки – на маме и на каждом из нас.

Джанет Мэри Уильямс Кроуфорд начала заново строить свою жизнь, поступила в колледж и получила степень магистра. Когда мне исполнилось одиннадцать, мы переехали в Нью-Джерси. Два года спустя она нашла новые апартаменты с садом в Kuzuri Kijiji, крупнейшем жилом комплексе от черной строительной компании. На суахили его название означает «Прекрасная деревня». Мама рассказала об этом всем своим подругам. Большинство из них были такими же, как она, одинокими женщинами с детьми, и мало-помалу все они перебрались к ней по соседству.

Повзрослев, я поняла, что очень изменилась за эти годы, – и это нормально. В то время как Бина проводила все свободное время на бесконечных вечеринках, флиртуя с мальчиками и увлекаясь макияжем, мне все это было неинтересно. Единственной частью моего тела, на которую я вообще обращала внимание, были мои тощие ноги, из-за которых какой-то парень однажды обозвал меня «мисс Палка».

Когда я пожаловалась маме, она сказала: «Эти ноги тебя носят? Ты ими бегаешь? Вот и скажи спасибо».

Стоило мне распустить волосы так, чтобы они спадали на плечи, мужчины смотрели на меня с таким вожделением, что мне становилось за них неловко. Неудачники. Я же еще ребенок. Выходя из школы, я тут же собирала волосы в хвост.

Мне не хотелось быть похожей на отца, но по моему лицу было сразу видно, что я папина дочка. Несколько раз взрослые мужчины – водители грузовиков или почтальоны останавливали меня на улице и спрашивали: «Не ты ли дочка Денниса Кроуфорда?»

Мой отец был выдающимся спортсменом в средней школе, лучшим замыкающим нападающим в штате Нью-Джерси. Когда стало ясно, что Марти не интересуется спортом, именно я стала смотреть с отцом футбол и наливать ему пиво из бара – мне очень нравилось это делать, потому что нужно было забраться на стул, потянуть рычаг, наклонить бокал и даже сделать глоток-другой пены. Будучи фанатом Miami Dolphins, он объяснил мне, что Giants пришлось непросто, когда

они захотели вернуть черного нападающего, и делился другими наблюдениями о черных игроках и спорте. Конечно же, я унаследовала его соревновательный дух, который естественным образом привел меня в спорт.

В 1974 году я пошла в Barringer High School в Ньюарке и почти каждое утро настраивалась на радио WABC, чтобы послушать Bohemian Rhapsody Queen, которую обожала до безумия. После школы я много миль шла домой по Парк-авеню, предпочитая тратить карманные деньги на разные вкусности. В том районе, где Ньюарк встречается с Ист-Оранджем, у магазина спиртных напитков Cooper’s Liquors & Deli, обычно собиралась кучка парней.

Когда я проходила мимо, они могли крикнуть мне вслед что угодно: «Привет, детка», «Иди сюда, крошка». Я продолжала идти вперед, делая вид, что ничего не слышу, и проходила мимо закусочной, где одна женщина продавала восхитительный сладкий картофельный пирог, который делался из белого картофеля вместо батата. Я стала там таким завсегдатаем, что, стоило мне переступить порог, как она тут же подавала мне кусочек.

В субботу утром я вставала пораньше и бежала трусцой из Ист-Оранджа до Северного района Ньюарка, оттуда до парка Бранч-Брук и обратно. Я ездила на велосипеде так далеко, как только позволяли ноги, сначала на том, что с банановым сиденьем, а потом на своем любимом черном Kabuki с золотыми буквами. Я бы поехала на нем куда угодно, лишь бы расширить границы своего мира.

Оглядываясь на свое детство, я понимаю, что концепция любви просто не укладывалась у меня в голове. Я знала, что мама и папа любили меня, но их любовь едва ли могла кого-нибудь вдохновить. Мне хотелось чего-то другого, непохожего на свою семью. Я молилась и боролась за другую жизнь и другую любовь.

И эти молитвы, как и молитвы любого другого подростка о любви, были услышаны. Впервые я увидела Рейнарда Джефферсона, когда сидела на качелях у своего дома. Мы встретились взглядами. Я прочла по его губам, что он спросил у своего брата Дрейтона: «Это кто?» И все закрутилось.

Мне было пятнадцать. Рейнард стал моей первой любовью. Скромный и красивый, моего роста, со сладковатыми губами. Третий и самый младший ребенок в семье, он познакомился со мной вскоре после потери брата, которую очень тяжело переживал. Я появилась как раз вовремя, чтобы облегчить его участь. Он учился в Seton Hall Prep, в нескольких милях от моего дома в Уэст-Орандже, поэтому каждое утро я вставала пораньше, чтобы проводить его на остановку в пяти минутах от моего дома. Каждый день после полудня, возвращаясь домой из школы, я останавливалась у Рейнарда и проводила кучу времени в его комнате на третьем этаже, читая грязные журналы с лучшими позами для секса и обсуждая побег в Калифорнию. Рейнард был прекрасен и относился ко мне с добротой и уважением. Я любила его, и мое пятнадцатилетнее «я» никогда не перестанет его любить.

Мама была не в восторге от моих отношений и, конечно же, заявила мне об этом. По ее мнению, я была чересчур привязчивой, а Рейнард напоминал ей отца – хотя я так и не поняла, почему. Тем не менее она позволила мне сделать собственный выбор, и я решила продолжать с ним встречаться. Когда она спросила, нужны ли мне контрацептивы, я ответила: «Когда я буду готова к сексу, я буду готова забеременеть». Мы с Рейнардом все время целовались, но так и не доходили до конца, потому что мне было страшно.

Мама впервые забеременела в семнадцать, и бабушка по отцовской линии настояла, чтобы мой восемнадцатилетний отец на ней женился, – мы сполна испытали все последствия этого решения на себе. Их брак должен был спасти репутацию семей, обеспечить стабильность и искупить грех добрачного секса. Но вместо этого мою мать больше десяти лет подвергали физическому насилию и обманывали, ее привязали к мужчине, которого она бы никогда не выбрала.

К счастью, мои отношения с Рейнардом были здоровыми, и у меня оставалось время на занятия своими делами. Моя старшая школа была инкубатором многообещающих молодых спортсменов, и колледжи активно набирали студентов из наших футбольных, баскетбольных и бейсбольных команд. Член Зала славы NFL Андре Типпетт ходил со мной на уроки первой помощи; однажды я даже дала ему списать.

Я была активным ребенком, всегда на велосипеде или с баскетбольным мячом, но меня вряд ли можно было назвать «качком». Как любая нерадивая младшая сестренка, я хотела быть похожей на своего брата Марти, который играл на кларнете, виолончели и тенор-саксофоне. Поэтому я взяла глокеншпиль,

который мы называли «колокольчиком», и пошла в оркестр. В дни спортивных игр или праздничных парадов в городе на много миль было слышно наших барабанщиков. 250 сильных, раскачивающихся из стороны в сторону молодых людей в одеждах сине-белых королевских цветов маршировали и посылали звуковые волны вверх и вниз по тротуарам и через школьный стадион Ньюарка.

Мне нравилось этим заниматься, и у меня не было желания что-то менять до второго курса, пока три крутые девчонки из университетской баскетбольной команды не заговорили со мной в раздевалке. Они обсуждали друг с другом предстоящие вступительные испытания и новых игроков. Взглянув на меня, уточнили, что видели, как я бросаю мяч на уроке физкультуры, и что мне стоит записаться на отборочные.

– Ты должна попробовать, – сказала капитан.

Это был не вопрос.

– Конечно, хорошо, – улыбнулась я и схватила свои вещи со скамейки.

Подумав, я решила, что мне нечего терять, пришла на отбор и попала в команду.

Тренер Кэрол Ивонн Кларк, которая позже устроит меня на работу, где я познакомлюсь с Уитни, впервые увидела меня на игре против ее команды и вскоре после этого приехала ко мне домой и представилась:

– Я – главный тренер команды Clifford J. Scott High School в Ист-Орандже. Ты отлично играешь. Не думала о колледже? Если перейдешь в мою школу, то у тебя определенно будет больше шансов поступить туда, куда тебе больше всего хочется.

Она меня убедила, поэтому со второй четверти одиннадцатого класса я решила перевестись.

Когда я поделилась хорошими новостями с Рейнардом, первое, что он сказал, было: «Я тебя потеряю. Пожалуйста, не уходи». Тогда я удивилась, а он оказался прав. Не помню точно, как и когда мы стали отдаляться друг от друга, но вскоре после того как я перевелась, все закончилось.

Тем не менее тот год вышел замечательным. В свой первый сезон я набрала больше тысячи очков и привела команду к победе в дивизионе, хотя мы недотянули до полуфинала. Мама работала допоздна, и у нее не было времени приходить на мои игры. Отец вообще отсутствовал, но разговаривал со мной так, словно знал, что происходит в школьном баскетболе. Полагаю, он следил за мной в Star-Ledger и других газетах Нью-Джерси. Придя на одну из моих игр, он сказал: «Тебе надо быть понаглее».

После окончания школы я продолжила играть в знаменитой Лиге Рукер-парка в Гарлеме и путешествовать по стране с Big Heads Нью-Джерси, лучшими баскетболистами штата. Это был отличный сезон – я круто играла и познакомилась со своей близкой подругой Вэл Уолкер.

Меня пригласили в университет Seton Hall из второго дивизиона. Я склонялась к тому, чтобы согласиться, но в тот год летний тур Лиги, на котором свои таланты демонстрировали игроки трех штатов, принимал вуз Montclair State – и я вместе с Вэл, которая претендовала на Всеамериканские награды, оказалась на нем одной из лучших бомбардирш.

После чего Вивиан Стрингер из университета штата Чейни, одна из самых успешных тренеров в истории женского баскетбола студенческой лиги, завербовала меня в качестве пакетного дополнения к Вэл. Мне надоело учиться в черной школе, поэтому я сдала экзамен и выбрала преимущественно белый Montclair. Его команда входила в первый дивизион, занимала третье место в стране и часто выезжала на соревнования.

После многих лет упорных тренировок я знала, что готова играть в студенческой лиге, но тренер почему-то никогда не выбирала меня в основной состав. В хороший день мне удавалось поиграть минуты две-три, а в остальное время приходилось приклеивать зад к скамейке запасных. Когда тренер хмурилась, скрещивала руки на груди и в отчаянии принималась расхаживать взад-вперед перед скамьей, мне хотелось вскочить и крикнуть ей в лицо: «Я здесь, тупица!»

Я плакала от ярости и непонимания после каждой игры. Кроме того, когда так долго сидишь на скамейке, то попросту забываешь, как играть. Когда мама и тренер Кларк пришли на одну из моих игр, обе решили, что Стрингер – просто расистка. Думаю, она не привыкла иметь дело с черными девчонками. Я была первой цветной, попавшей в команду на первом же курсе.

Моим главным убежищем в том вузе были черные женские сообщества: AKA, Phi Beta Sigma, the Deltas. Эти девушки были для меня все равно что старшими сестрами, всегда готовыми накормить и подставить плечо. В их компании я чувствовала поддержку, понимание и ту близость, которых мне так не хватало в команде.

В довершение всего в начале второго курса меня использовали как инструмент для привлечения других черных игроков: Трейси Браун, Шэрон Росс и Бониты Спенс. Мы поладили, но к тому времени я уже решила уйти из команды.

К счастью, тренер из Monmouth пригласила меня присоединиться к ее девчонкам, и я покинула Montclair после первого семестра второго курса. Единственная проблема заключалась в том, что весной мне не могли выплатить стипендию, поэтому я решила найти работу и накопить денег до осени. Бонита Спенс сказала, что в ее родном городе, Атлантик-Сити, набирают персонал в новое казино, и предложила мне остановиться у ее мамы. Я отправилась туда и устроилась охранницей в Bally’s Park Place.

Я ходила на работу в типичной серой униформе из полиэстера, но через три недели ко мне подошел хорошо одетый мужчина, представился, сказал, что наблюдал за мной, и предложил присоединиться к отделу расследований в качестве агента в штатском. Я стала одеваться, как мне хочется – или как было необходимо. Иногда мне сходили с рук слаксы и блузка, но если работа была в баре, то приходилось соответствовать клиентам. Казино давало мне суточные, чтобы я могла смешаться с толпой, так что я покупала на них разбавленные коктейли и подсаживалась к кому-нибудь поболтать.

Наш отдел располагался под входом в грузовой док, за массивной дверью, в кабинете, оснащенном множеством видеокамер. В мои обязанности входило высматривать тех, кто считает карты, ловить зазывал и сравнивать лица клиентов с фото преступников. Иногда меня отправляли в определенный зал казино, где на мониторе видели разыскиваемого человека. Бывали и другие случаи, когда я надевала наушники и записывала разговоры в прослушиваемом гостиничном номере. Я работала по шестнадцать часов в смену и спала днем, а это означало, что у меня не было времени тратить заработанные деньги. Мне нравилось то, чем я занималась.

Шесть месяцев спустя я вернулась в Ист-Орандж с большой стопкой баксов, так что подработка в Центре развития сообщества мне была не особенно нужна, но денег много не бывает. Кроме того, я была многим обязана тренеру Кларк, поэтому когда она позвонила и попросила об услуге, я сразу согласилась. Она и не подозревала, что ее утренний звонок навсегда изменит мою жизнь.

Через несколько дней после знакомства мы с Уитни пошли обедать. Как только мы вышли за дверь и прошли около сорока футов, она вытащила сигарету из нагрудного кармана. Наверное, на моем лице отразилось удивление.

– Да, я курю, – сказала она и следом вытащила косяк.

Теперь я была в шоке. Она не выглядела наркоманкой.

– Так ты, значит, не такая, как все? – спросила я.

Уитни рассмеялась и убрала косяк обратно.

В колледже я несколько раз курила кальян, но на этом весь мой опыт курения заканчивался. В старших классах учитель английского языка пересадил меня на последний ряд за болтовню. Я села напротив парня, который распределял травку по мешочкам, и получила от него небольшую партию. Нужно было продавать наркотики в маленьких розовых пакетиках болельщицам. Я заработала на этом 300 долларов и бросила через две недели. Клиенты и деньги приходили быстро и легко, но я боялась, что меня поймают и моя трудолюбивая мама однажды узнает об этом.

– Можешь звать меня Ниппи, – сказала Уитни.

Отец называл ее так в честь одного зловредного персонажа комиксов.

Я узнавала ее все лучше и лучше. Ниппи сказала, что у нее есть парень по имени Крейг, чья мама пела в составе Sweet Inspirations, – но я его так и не увидела.

У меня же в то время никого не было – если не считать девушки из баскетбольной команды, которая постоянно действовала мне на нервы. Она оказалась ужасной собственницей. Мы обменялись парой поцелуев, и я не

считала, что за этим должно последовать нечто большее, пока одна из соседок по комнате меня не просветила. Оказывается, я совершенно не замечала того, что происходит. Как бы то ни было, мама не очень-то переживала по этому поводу и лишь пару раз выразила мне свое неудовольствие:

– Робин, эта девочка пытается сплести вокруг тебя паутину.

– Но, мам, если она хочет погладить мою форму, то почему бы и нет?

Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы увидеть то, что видела мама: девчонка пыталась меня контролировать, и мне нужно было найти способ заставить ее ослабить хватку – чем раньше, тем лучше.

Однажды летом я навестила ее в квартире на другой стороне моего комплекса, и она отказалась меня отпускать, загородив дверь. Я пробыла у нее в квартире несколько часов в ожидании, когда Полетт и Вэл зайдут за мной перед тренировкой. Наконец она отступила, я попыталась выбежать на улицу, но она схватила меня за руку. Я врезалась в кирпичную стену и разбила голову до крови.

Когда я рассказал обо всем Уитни, она сказала: «Не волнуйся, я тебя из этого вытащу». Я не спрашивала ее, что она имеет в виду; мы многое оставляли недосказанным. Но она это сделала. Никаких скандалов – девушка просто исчезла. А мы с Уитни стали еще ближе.

Наверное, людям со стороны было заметно, что между нами что-то происходит. Мы стали неразлучны. Постоянно были вместе – если не у меня, то у нее. Ее комната была настоящей помойкой: повсюду разбросаны вещи, одежда свалена в кучу на полу, кровать не убрана, а сумки с книгами, школьная форма и кошельки валялись то тут, то там. Однажды нам послышался какой-то хруст – и мы обнаружили мышь, которая сидела в ее сумке и мирно похрустывала чипсами.

Ниппи впервые пригласила меня к себе через несколько недель после знакомства. Мы не спеша прогуливались по окрестностям, а когда устали, зашли к ней и уселись рядом на полу ее гостиной, прислонившись спиной к дивану. Мы все болтали и болтали, а потом вдруг оказались лицом к лицу.

Наш первый поцелуй был тягучим и теплым, как мед. Оторвавшись друг от друга, мы снова встретились взглядами. Нервы на пределе, сердце бешено колотится. Что будет дальше? Что она скажет? Вдруг она расстроится? Я не понимала, что между нами происходит.

– Если бы я знала, когда мои братья вернутся домой, я бы тебе кое-что показала, – вдруг сказала она.

Это было круто. Нип могла втянуть меня в любые неприятности, если бы хотела. Как сказала моя мама, когда впервые ее встретила: «Выглядишь ты как ангелочек, но я-то знаю, что это не так».

Глава вторая. Как ангелочек

Уитни была не из тех, кто при первой же возможности хвастается своими достижениями. Совсем наоборот. Но в то лето она постоянно распевала – дома, в машине или сидя на крыльце – песни из нового альбома Чаки Хан, особенно Clouds, Our Love’s in Danger, и Papillon (Hot Butterfly), в записи которого участвовали Лютер Вандросс, Уитни и ее мать Сисси, по праву считавшаяся легендой бэк-вокала. Всякий раз, включая эти треки, Уитни исполняла весь бэк-вокал, прижимая наушники Walkman к ушам, как будто была в студии, – но на публике вела себя сдержанно, позволяя лишь мягко пропеть не больше одной-двух строчек.

Музыка была в каждой части ее тела; она ее любила, жаждала и всегда была уверена, что станет профессиональной певицей. Это было ее мантрой с двенадцати лет. Невероятно целеустремленная, Уитни знала наперед все шаги, которые ей придется сделать ради исполнения мечты. В тот момент она работала над созданием собственной группы и репертуара песен. Было что-то пьянящее в том, чтобы дружить с человеком, настолько уверенным в себе. Уитни Элизабет Хьюстон была совсем не такой, как все.

Она любила рассказывать мне о своем первом визите в студию с Чакой Хан для записи бэка. Чака услышала ее вокал и прервала запись, чтобы сказать Уитни: «Подойди ближе к микрофону». Уитни ощутила себя помазанницей божьей и после этого каждый раз, когда мы оказывались у нее на заднем дворе, пела,

надев свои Walkman:

Chanson papillon, we were very young

Like butterflies, like hot butterfly

– Послушай Чаку! Смотри, куда она ведет, – учила она меня. – Смотри, что они сейчас делают. Слушай. Вот тут, вот тут.

Она проигрывала треки снова и снова, я была ее добровольной ученицей. Уитни объяснила, что у Чаки блестящая фразировка и голос, подобный инструменту. Когда она брала высокие ноты, то звучала, как труба или теноровый саксофон. Уитни поражала ее дикция: «Как католическая школьница. Выговаривает каждое слово».

Прошлым летом Вэл тоже призналась мне в любви к Чаке, но тогда я не восприняла это всерьез, а теперь прислушалась внимательно – и действительно, каждое слово раздавалось ясно, как колокольный звон. Уитни разобрала для меня ее песни по строчкам, и я вслед за ней начала ценить дарование Чаки.

«Чака очень недооцененная певица», – любила повторять Уитни.

Наряду с восхищением гениальностью других артистов Уитни получала огромное удовольствие от рассказов о своей матери. Она проигрывала все альбомы с ее участием снова и снова и наизусть знала каждую ноту, которую та брала. Всякий раз, ставя пластинку с ее бэк-вокалом, Ниппи заговаривала благоговейным тоном, предназначенным исключительно для звезд вроде Ареты Франклин. И неважно, что Сисси исполняла не главную партию, – для Уитни это было так.

– Я хочу, чтобы ты прослушала всю историю моей мамы, – сказала однажды Уитни и сыграла мне все песни, в которых появлялась ее мать, гордо демонстрируя, почему Сисси платят втрое больше, чем всем остальным.

Daydreamin’ and I’m thinking of you

Look… at… my mind… floating… away

Я всегда считала начало Day Dreaming Ареты каким-то гипнотическим, но после прослушивания этой песни с Уитни поняла, что всю эту сладость раскрывает именно голос Сисси. У меня до сих пор есть все альбомы с ее участием, и я могу выделить ее голос на таких песнях, как I Know It’s You Донни Хэтэуэя, Roll Me Through the Rushes Чаки и You’re the Sweetest One Лютера.

После нескольких часов погружения в дискографию матери, Ниппи дала мне копию сборника песен с ее участием. Мне особенно понравилась Things To Do. Я смотрела на фотографию улыбающейся Сисси Хьюстон в оранжевой рубашке с воротником-стойкой и пыталась соединить образ женщины с голосом, чистым как стекло, с образом матери, которая, по словам Уитни, частенько заставляла ее чувствовать себя ничтожеством.

Со временем Уитни рассказала мне все о карьере матери в Sweet Inspirations и поделилась историями о том, как им приходилось пробегать через задние двери и кухни, чтобы выступать на площадках сегрегированного юга, потому что черным было запрещено входить в концертные залы через переднюю дверь. Мать часто рассказывала ей о красоте Элвиса Пресли, о том, какой он добрый и заботливый. Подаренное им украшение было одной из самых любимых ее вещиц.

Как и большинство черных семей, моя семья увлекалась музыкой. Отец близко общался с Джонни Мэтисом и Филлис Хаймэн; мама слушала Тони Беннетта, Барбру Стрейзанд и Моргану Кинг. Брат Марти был поклонником Black Ivory, Dr. Buzzard’s Original Savannah Band, Motown и клубной музыки, потому что любил танцевать. Когда мне было двенадцать, мы с Марти и двоюродными братьями даже создали собственную группу под названием 5 Shades of Soul. Пока все мое внимание не завоевал баскетбол, мы исполняли Natural High Bloodstone и O-o-h Child Five Stairsteps на семейных барбекю и соревнованиях в Ньюарке.

Уитни познакомила меня со своей кузиной Фелицией и «кузеном» Ларри, который на самом деле был их близким другом. Они всегда были вместе, словно три мушкетера, и пели попурри в церковном хоре, выбирая песни по радио.

Я сказала Уитни, что раньше тоже мечтала петь в церковном хоре, но моему желанию не суждено было сбыться. В детстве мы часто бывали в Кингдом-Холл в центре города, где моя прабабушка когда-то была старостой, но там не пели гимнов и не молились хором. Никакого ритма и настоящего праздника. Мама, которая всегда была в духовных исканиях, годами ходила по разным молитвенным домам в надежде обрести свое место. Я тоже ходила в церковь, но

в подростковом возрасте так сильно увлеклась баскетболом, что редко попадала на службу. Вместо меня за мамой теперь следовали Бина и Марти. Самым главным для мамы было донести до своих детей, что в мире существует высшая сила, – и ей это удалось. Дома мы не слушали госпелы, но, знаете, стоило включить Арету Франклин – как вы тут же услышали молитву. По-другому это не назовешь.

Уитни нравилось в хоре, но временами ей не хотелось ходить в семейную церковь, которую она называла «фальшивой и наполненной лицемерами». Однажды вечером перед нашей встречей она позвонила и сказала, что мама заставляет ее встретиться с сыном их священника, преподобного доктора К. Э. Томаса. Уитни чувствовала себя так, словно это двойное свидание, призванное прикрыть отношения женатого священника и ее матери. Я никогда не видела, чтобы он выходил из спальни Сисси, но однажды заметила, как священник сидел за их кухонным столом в одной майке.

Уитни сказала, что ей не хочется, но Сисси ответила: «Это твой дочерний долг». Она согласилась, подавив в себе чувство тревоги и раздражения, а на следующий день сказала: «Я ему понравилась, а он мне нет».

Насколько мне известно, больше они не встречались.

Несмотря на летние каникулы, Уитни бывала в церкви по меньшей мере три раза в неделю. По четвергам вечером у нее была репетиция, и она каждый раз убегала на нее, независимо от того, где мы в тот момент находились и чем были заняты. Ее мать была миссионеркой и руководила репетициями хора, так что Уитни всегда приходила вовремя. Она была дочерью Сисси Хьюстон и не могла поступать иначе. Я это понимала, приняв ее репетиции за что-то вроде баскетбольных тренировок: если опоздаешь, то задержишь всю команду.

Уитни, Ларри и Фелиция всегда говорили о своих песнях и соло так, будто готовятся к игре. В каком-то смысле так оно и было: в Ист-Орандже и Ньюарке хоры пользовались не меньшей популярностью, чем баскетбольные команды. Они даже соревновались друг с другом в различных церквях, и Уитни была главным игроком для младшего хора баптистской церкви «Новая надежда». В соседних церквях тоже были свои звездные исполнители. Менее чем в пяти милях отсюда, на Чанселлор-авеню, совсем юная Фейт Эванс пела в миссионерской баптистской церкви имени Эммануэля.

Когда Уитни и ее кузины закончили обдумывать предстоящий концерт, она сказала:

– Робин, я хочу, чтобы ты тоже пришла.

Баптистская церковь «Новая надежда» проводила музыкальную службу, и все знали, что их хористы – мастера своего дела. Паства привыкла к посетителям, но концерт хора был особенным событием, и церковь переполнялась людьми. Уитни пригласила меня, и мне не терпелось услышать ее пение.

Пусть я и не ходила в церковь, но все равно знала Писание и верила во все, что написано в Библии. Мои брат и сестра были крещеными и причащались, но меня по какой-то причине святой водой так никто и не окропил. Думаю, это было связано с тем, что я постоянно уезжала на состязания и сборы, так что меня редко можно было застать дома по воскресеньям. Тем не менее я всегда хотела познакомиться с Писанием, так что в пятнадцать лет прочитала все, от книги Бытия до Откровения. Мне казалось, будто я переношусь назад во времени. Самый глубокий отпечаток во мне оставило язвительное описание Содома и Гоморры, и каждый раз, совершая грех, я знала, что нуждаюсь в милости Иисуса Христа. Я верила, что его история правдива и он действительно совершил все те добрые дела и чудеса, о которых говорилось в книге.

Уитни знала Библию как свои пять пальцев. Она рассказывала мне о женщинах из Писания, которых я не запомнила, – например, о Руфи и Эсфири, которые встали на защиту народа своего царского дома и предстали перед царем. В книге было несколько влиятельных женщин, и она знала каждую. Иисуса же она боготворила и считала его олицетворением всего того, к чему должен стремиться каждый.

Я сразу ответила на приглашение Уитни согласием, но это создало две проблемы. Во-первых, мне пришлось надеть платье: мама всегда верила, что когда идешь в церковь, то одеваешься для Бога, так что я должна была выглядеть представительно. К счастью, было лето. Клянусь, я бы ни за что не надела чулки – терпеть их не могла. Я содрогалась от одной мысли о платье, но ради того чтобы услышать пение Нип, все же решила принести эту жертву и где-то у стенки шкафа нашла простой и достаточно удобный бледно-лиловый пуловер с короткими рукавами, который немного расширялся внизу. В

следующий раз я добровольно надену платье на похороны моей мамы.

Во-вторых, я должна была зайти на территорию матери Уитни. Как бы мне ни хотелось услышать пение подруги, эта церковь принадлежала Сисси Хьюстон, и меня это не слишком радовало. Каждый раз, когда я заезжала к ним домой, чтобы забрать Уитни, всю дорогу от машины до порога я чувствовала исходящую от нее враждебность. Еще до того, как мы познакомились, Уитни предупредила меня, что мать обычно не жалует ее друзей и знакомых.

– Мама может быть грубоватой, но она такая, какая есть, – сказала Уитни.

В воскресенье я взяла мамину машину и поехала в баптистскую церковь «Новая надежда», которая находилась на той же улице, что и знаменитый Baxter Terrace[1 - Социальная застройка, открытая в Нью-Джерси еще в 1941 году и названная в честь Джеймса М. Бакстера, директора первой школы для афроамериканцев в Ньюарке.]. Внутри здание из красного кирпича выглядело несколько запущенным, но в первое воскресенье августа туда пришли все верующие, от бедных до богатых. Помещение заполнилось до отказа.

Мне не хотелось сидеть слишком близко или слишком далеко, потому что Уитни должна была меня увидеть, так что я села в седьмом ряду чуть левее центра. Жесткие деревянные скамьи заставили меня выпрямить спину, сесть как по струнке – и я остро ощутила, что нахожусь в приходе Сисси Хьюстон. Именно здесь она и ее братья и сестры основали группу Drinkard Singers, прежде чем переименовать ее в Sweet Inspirations. Маленькая медная табличка с надписью «Ли Уорвик» напомнила мне, что «Новая надежда» кроме всего прочего служила приходом двоюродных братьев Уитни – Ди Ди и Дионн. Вся семья прошла через эту церковь. Я чувствовала себя чужой.

Преподобный Томас попросил гостей церкви и прихожан встать, что я и сделала. Он говорил, а я вспоминала, что Уитни рассказывала мне о нем и Сисси.

Представляя младший хор, он сказал: «Люди пришли послушать мои проповеди, но Господь любит, когда его восхваляют».

Прихожане и гости вторили: «Аминь».

Толпа молодых людей в черно-белых одеждах хлынула сзади и двинулась по проходам к передней части церкви. Уитни прошла мимо, но меня не заметила. Она была в черной прямой юбке и белой рубашке на пуговицах, волосы уложены в маленький пучок, на лице тон из Fashion Fair, губы подкрашены почти незаметной светло-розовой помадой. Заняв свое место на скамье рядом с кафедрой, она посмотрела на меня, но не улыбнулась. На ее лице застыло выражение а-ля «игра началась». Сама сосредоточенность. Расслабиться мне помогла только ухмылка Ларри. Они были просто детьми, так что даже серьезность в их исполнении выглядела забавной, и через минуту я увидела, как Уитни, Ларри и Фелиция отделились от группы и тихо перебрасываются шутками, в то время как пятьдесят девочек и мальчиков занимают свои места.

Мать Уитни стояла перед хором в платье землистых тонов, которые смягчили ее внешность. Ее брат Ларри Дринкард, органист, сидел в больших толстых очках, из-за которых его глаза превращались в крохотные точки. Зато он отлично играл!

– О’кей, – сказала Сисси. – Ну что, все готовы?

Хор поднялся и запел. Некоторые песни были мне знакомы, но я не знала слов. Чтобы знать их, нужно регулярно ходить в церковь. Голоса хористов звучали с такой мощью, будто звук лился из гигантского динамика, и я почувствовала, как он грохочет у меня в груди. Несколько человек стали отсчитывать такты, похлопывая ладонями по ногам; другие вторили им мягкими двойными хлопками. Какое-то время Сисси тоже хлопала в ладоши, а потом повела хор. Ее левая рука зависла в воздухе, в то время как правая двигалась вверх и вниз, заставляя голоса повышаться и понижаться по ее команде. Они были великолепны.

Затем Ларри, Фелиция и Уитни вышли вперед. Фелиция пела альтом, Ларри – фальцетом, а Уитни – прекрасными переливами альта и сопрано. Их голоса звучали так приветливо, что мне тоже на мгновение захотелось подняться и присоединиться к ним. Надо признать, радио они подпевали совсем иначе. Сейчас в их голосах звучала настоящая сила, которой не было и в помине, пока они просто дурачились. Когда хор запел Oh Mary Don’t You Weep, трио оборвало свою партию и захлопало в ладоши. Уитни и Фелиция стали покачиваться взад и вперед, обмениваясь строчками:

Mary…

Oh, Mary…

Oh, Mary, don’t you weep

Tell Martha not to moan

Прихожане и гости вторили: «Аминь».

Затем троица разделилась, Уитни шагнула вперед, теперь уже в белом одеянии в пол. Прежде чем она успела раскрыть рот, я услышала шепот: люди в зале готовились. Наступила тишина, она подошла к микрофону, закрыла глаза и запела под тихий аккомпанемент пианино:

When Jesus hung on Calvary,

People came from miles to see…

– Пой, Нип, – крикнул Ларри.

– Вперед, Нип, – добавила Фелиция.

Даже преподобный Томас воскликнул:

– Пой, Уитни!

А потом некий дух пронесся над церковью. Лицо Уитни засияло, ее губы задвигались, а голос повышался с каждой строчкой. Она стала мягко раскачиваться, и прихожане хлопали в такт.

Уитни начинала с высокой ноты, а затем каждый раз брала еще выше. Люди не могли сдержать эмоций. Нип задала тон, и прихожане стали восхвалять Святого Духа и кричать:

– Ву-у!

– Хвала Господу!

Ее пение было вольным и ранимым, ангельским и сильным. Сидя на скамье, я наблюдала за тем, как ее маленькое тельце в белых одеждах наполняет пространство своим голосом. Она продолжала двигаться – не раскачивалась, но едва уловимо переносила свой вес из стороны в сторону. Легко. Нежно. Четко произнося каждое слово. Ее руки по бокам почти не двигались; она твердо держалась на ногах, меняя выражение лица вслед за текстом. Глаза оставались закрыты, в то время как люди вокруг улюлюкали, кричали и преклоняли колени:

They said, “If you be the Christ,

Come down and save your life.”

Oh but Jesus, my sweet Jesus,

He never answered them,

For He knew that Satan was tempting Him.

If He had come down from the cross,

Then my soul would still be lost.

Пение Уитни становилось все более настойчивым. На середине песни она приоткрыла глаза, оглядела зал и посмотрела в мою сторону, прежде чем закрыть их снова. Этот момент захватил ее так же, как всех остальных. В тот день она обрела спасение.

He would not come down

From the cross just to save Himself;

He decided to die!

Уитни умоляла нас вознести хвалу Христу за его страдания во имя новой жизни. Я бывала в церкви не один раз, но в то воскресенье все было иначе. К нам пришло избавление. Меня не нужно было убеждать в существовании высшей силы, я и так в нее верила, но в тот момент я почувствовала себя намного ближе к Богу – и к Уитни.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Социальная застройка, открытая в Нью-Джерси еще в 1941 году и названная в честь Джеймса М. Бакстера, директора первой школы для афроамериканцев в Ньюарке.

Купить: https://tellnovel.com/krouford_robin/uitni-h-yuston-istoriya-velikoy-pevicy-glazami-ee-blizkoy-podrugi

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити